

«ТЕХНОЛОГИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ», «ТЕХНОЛОГИИ СБЕРЕЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ», «МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ»: СООТНОШЕНИЕ ДЕФИНИЦИЙ В КОНТУРЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ¹

Рыбакова О.С.²

Ключевые слова: правовой инжиниринг, технологическое развитие, модернизация здравоохранения, государственное управление, искусственный интеллект, цифровые технологии, телемедицина.

Аннотация

Цель работы: исследовать содержательное наполнение дефиниций «технологии здравоохранения», «технологии сбережения здоровья», «медицинские технологии» в правовой доктрине и актах законодательства; определить их соотношение; выявить целесообразность легитимного закрепления; обосновать создание эффективных правовых инструментов правового сопровождения применения технологий в системе здравоохранения

Методы исследования: в работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также сравнительного анализа. Сфокусировано внимание на системном методе.

Результаты исследования: выявлена терминологическая фрагментарность легально закрепления исследуемых категорий, что может порождать правовую неопределенность при оценке их безопасности, эффективности, доступности для участников правоотношений для достижения конституционно-значимых целей обеспечения охраны здоровья. Предложенные в статье подходы могут служить концептуальной основой для дальнейших дискуссий и выработки конкретных нормативных решений, направленных на формирование эффективной регуляторной модели применения технологий в системе здравоохранения.

Научная новизна: автором обоснована иерархическая дифференциация исследуемых дефиниций, где «технологии здравоохранения» — наиболее широкая дефиниция, охватывающая организационно-управленческие, санитарно-эпидемиологические, информационно-коммуникационные и иные методы, обеспечивающие функционирование и развитие системы здравоохранения в целом; «технологии здоровьесбережения» выступает как понятие, предполагающее превентивную и поведенческую составляющую, направленную на сохранение и укрепление здоровья населения; «медицинские технологии» понимается как наиболее содержательно узкая дефиниция, непосредственно связанная с клинической практикой и включающая диагностические, лечебные, хирургические, реабилитационные и иные вмешательства, основанные на применении специализированного оборудования, материалов, биопрепаратов и цифровых алгоритмов.

DOI: 10.24412/1994-1404-2026-3-00-18

Введение

Объективная необходимость модернизации национальной системы здравоохранения и обеспечения её универсальной доступности детерминирована темпами научно-технического прогресса. Эволюция здравоохранения и параметры доступности медицинской помощи напрямую коррелируют с уровнем технологизации отрасли. Правовая регуляторика призвана следовать за развитием медицинской науки и

клинической практики, где прогрессивные технологические решения выступают не только инструментарием, а гарантией и основополагающим условием обеспечения конституционного права граждан на охрану здоровья и доступ к медицинской помощи [1, с. 52; 2, с. 154—156] (статья 41 Конституции РФ), что придает им статус *conditio sine qua non* (курсив здесь и далее — О.Р.).

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² **Рыбакова Ольга Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.
E-mail: osrybakova@msal.ru

Данный подход объективируется в программно-целевых документах модернизации системы здравоохранения. Национальные цели России, традиционно обозначенные в указах главы государства³, в части сохранения народонаселения, укрепления общественного здоровья и увеличения ожидаемой продолжительности жизни, коррелируя с приоритетами национальной безопасности⁴, объективируются в качестве их имманентной составляющей, неразрывно сопряжены с задачами долгосрочного планирования и развития технологий⁵, выступая одновременно их целевым ориентиром, и критерием эффективности инновационной политики государства. Стратегия научно-технологического развития России в числе базовых приоритетов называет технологическую модернизацию здравоохранения, путем перехода к «персонализированной, предиктивной и профилактической медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения», в том числе за счет рационального производства и применения лекарственных препаратов и использования генетических данных и технологий⁶.

**Нормативно-правовое конструирование
дефиниций «технология сбережения здоровья»,
«технология здравоохранения»,
и «медицинская технология»**

Технологизация отечественного здравоохранения успешно реализуется на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем, следует констатировать отсутствие единого подхода к нормативному закреплению дефиниций «технология здравоохранения», «технология сбережения здоровья», «медицинская технология».

³ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584; Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (документ утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884 и др.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (документ утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212 и др.

⁵ Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.11.2021. № 46. Ст. 7676; Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680 (ред. от 01.07.2025) «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» (вместе с «Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019—2030 годы») // Собрание законодательства РФ. 03.12.2018. № 49 (Ч. VI). Ст. 7586; Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.04.2019. № 15 (Ч. III). Ст. 1750.

⁶ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.03.2024. № 10. Ст. 1373.

Согласно позиции ВОЗ, для обозначения технологий, применяемых в сфере охраны здоровья человека, используется термин *health technology* (англ. *технология здоровья, здоровьесбережения, медицинская технология*), который по своему содержанию выступает обобщающим понятием к различным технологиям, применяемым в здравоохранении. В Резолюции Всемирной ассамблеи здравоохранения WHA60.29 — «Health technologies 60th World Health Assembly»⁷ (Технологии здравоохранения), принятой в 2007 году на 60-й сессии, отмечается, что Health technologies включают применение систематизированных знаний, навыков и умений в виде методов, устройств, лекарственных средств, вакцин, процедур и систем, разработанных в целях решения какой-либо проблемы здравоохранения и улучшения качества жизни.

Детальный анализ документа позволяет прийти к выводу, что по своему содержанию Health technologies включают широкий инструментарий (знания, методы, устройства, средства и т. п.), направленный как на обеспечение реализации права на охрану здоровья индивида, так и на разработку, внедрение, применение технологических решений в сфере управления и организации системы здравоохранения в целом. В Резолюции констатируется системообразующая роль технологий в обеспечении устойчивого функционирования и эволюционного развития национальных систем здравоохранения. Технологический фактор системы здравоохранения квалифицируется в качестве имманентного условия эффективности процессов профилактики, диагностики, терапевтического вмешательства и восстановительного лечения пациентов, при этом акцент сделан на технологиях медицинского назначения (*Medical Technologies*), которым придан статус решающего инструментария в противодействии наиболее значимым угрозам общественному здоровью. Аналогичный подход к пониманию технологий здравоохранения отражен в документах Международной сети агентств по оценке технологий здравоохранения (INANTA), где технологии здравоохранения понимаются как «вмешательство, разработанное с целью профилактики, диагностики или лечения заболеваний, укрепления здоровья, обеспечения реабилитации или организации оказания медицинской помощи»⁸.

Российский законодатель сознательно либо вынужденно дистанцируется от закрепления легальной дефиниции «технология здравоохранения», что обусловлено объективным расширительным подходом к пониманию технологий, применяемых в сфере здравоохранения. Согласимся, что развитие технологий здравоохранения значительно опережает правовое

⁷ World Health Assembly WHA60.29: Health technologies 60th World Health Assembly [pdf 38.43kb]. URL: <https://www.emro.who.int/health-biomedical-devices/strategy/resolutions.html> (дата обращения: 13.04.2026).

⁸ См.: Глоссарий Международной сети агентств по оценке медицинских технологий. URL: <https://htaglossary.net/List-all-terms> (дата обращения: 12.07.2026).

регулирование данной сферы общественных отношений [3, с. 63], в связи с чем, попытка легальной фиксации содержательного наполнения технологии здравоохранения может необоснованно сдерживать внедрение новых (неучтенных в дефиниции) разработок и технологий в систему здравоохранения.

Программные документы, определяющие приоритеты технологической модернизации здравоохранения, помимо технологий, напрямую обеспечивающих реализацию права на охрану здоровья человека, включают управленческие решения, трансформируя процессы организации управления в системе здравоохранения, коммуникации, сбора, хранения, обработки информации и др. Стратегия развития здравоохранения на период до 2030 года⁹ определяет технологическую модернизацию здравоохранения в числе базовых инструментов обеспечения национальной безопасности в сфере охраны здоровья. Стратегическим направлением в области цифровой трансформации здравоохранения обозначены следующие: «достижение высокого уровня показателя «цифровая зрелость» участников реализации стратегического направления; ускоренный переход сектора здравоохранения на новые управленческий и технологический уровни посредством полного перехода к «цифровым двойникам», создание единой платформенной экосистемы на основе целостных и однородных первичных данных»¹⁰.

Мероприятия по развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему здравоохранения осуществляются в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹¹, по итогам реализации которой должны быть созданы условия для «эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка» (п.12). Модернизация системы здравоохранения предполагает, прежде всего, цифровую трансформацию по следующим направлениям реализации организационно-правовых и технологических мер в сфере планирования, структурирования, оперативного управления, мониторинга и оценки эффективности функционирования как всей национальной системы здравоохранения, так и её отдельных структурных компонентов [4, с. 187—192]. Цифровая трансформация,

как отмечается в научной литературе, оказывает существенное влияние на развитие информационного общества, находящегося в постоянной динамике, что в значительной степени связано с развитием современных цифровых технологий, являющихся определяющим фактором цифровой экономики и цифровой экосистемы [5—9]. Справедливо утверждение, что «современная трансформация здравоохранения происходит под влиянием таких технологий, как интернет вещей, виртуальная медицинская помощь, удаленный мониторинг, искусственный интеллект, аналитика больших данных, блокчейн, интеллектуальные носимые устройства, платформы, инструменты, позволяющие удаленно собирать, обмениваться и хранить данные, а также делиться актуальной информацией по всей экосистеме здравоохранения, создавая непрерывность оказания медицинской помощи в целях улучшения результатов лечения за счет улучшения медицинской диагностики, принятия решений на основе данных, цифровой терапии, клинических испытаний, самостоятельного управления медицинской помощью и уходом, ориентированного на человека, а также повышения уровня знаний, навыков и компетентности специалистов» [10, с. 3].

Технологическая модернизация представляет собой синергетический процесс системной трансформации здравоохранения, охватывающий цифровизацию управления здоровьем (формирование единой цифровой среды), импортозамещение критической номенклатуры лекарств и изделий, внедрение алгоритмов ИИ в клиническую практику, коммерциализацию разработок нового поколения (персонализированных, биоинженерных и радиофармпрепаратов), а также создание адекватной регуляторной и организационной инфраструктуры для телемедицины и удаленного мониторинга. Достижением обозначенных приоритетов, по оценкам специалистов, направлено на снижение затрат в системе здравоохранения, оптимизацию доступности медицинских услуг (особенно в удаленных районах) с помощью мобильных приложений и телемедицины, оптимизацию рабочего времени медицинского персонала, повышение качества медицинской помощи благодаря использованию технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных [11, с. 232; 12; 13], что в совокупности отражают ключевую цели модернизации системы здравоохранения — сбережение здоровья населения через обеспечение конституционного права человека на охрану здоровья и доступ к современным медицинским технологиям.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации¹², в числе системообразующих приоритетов и перспектив, наряду с другими, обозначает «переход к персонализированной, предиктивной и профилактической медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения»

⁹ Указ Президента РФ от 08.12.2025 № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.12.2025.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. 22.04.2024. № 17. Ст. 2388.

¹¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

¹² Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.03.2024. № 10. Ст. 1373.

(пп. «в» п. 21). Термин «технологии здоровьесбережения» встречается в других программных документах, например, в сфере развития промышленной продукции по реабилитации¹³, ведомственных актах¹⁴. Содержание термина в документах не раскрывается.

Аналогичный, но не идентичный термин — «технологии сбережения здоровья» используется в другом программно-целевом документе — Стратегии развития здравоохранения¹⁵, где «сохранение здоровья населения за счет профилактических мероприятий, внедрение технологий сбережения здоровья на популяционном уровне, включая здоровое старение и активное долголетие» обозначены среди основных задач развития здравоохранения в Российской Федерации (пп. 2 п. 14). Данная дефиниция входит в наименование национального проекта «Новые технологии сбережения здоровья», который объединяет несколько федеральных проектов, связанных по своему целеполаганию в внедрением технологий: «Управление медицинской наукой», «Технологии разработки медицинских изделий, лекарственных средств и платформ нового поколения», «Биомедицинские и когнитивные технологии будущего», «Регенеративная биомедицина, технологии превентивной медицины, обеспечивающие активное и здоровое долголетие», «Развитие производства наиболее востребованных лекарственных препаратов и медицинских изделий»¹⁶.

Исходя из содержания приведенных документов и паспорта нацпроекта, можно сделать вывод, что дефиниции «технологии здоровьесбережения» и «технология сбережения здоровья» используются как синонимичные и взаимозаменяемые и представляют собой системно организованную, научно-обоснованную и нормативно обеспеченную совокупность методов, средств и организационных решений, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья человека на всех этапах жизненного цикла, реализуемую через интеграцию фундаментальных биомедицинских исследований, инженерных разработок, клинической практики и производственных мощностей в единый инновационный цикл с приоритетом превентивных стратегий и персонализированных подходов.

Анализ федеральных законодательных актов позволяет констатировать использование различных терми-

нов, обозначающих технологии, применяемые в сфере здоровьесбережения (табл. 1).

Приведенный обзор демонстрирует упоминание различных технологий (технологии искусственного интеллекта, информационные, биомедицинские, когнитивные, телемедицинские, генетические и др.), что позволяет идентифицировать их как совокупность технологий, применяемых в сфере охраны здоровья человека, которые соотносятся с дефиницией «технологии здоровьесбережения» как часть и целое.

Национальный стандарт (ГОСТ)¹⁷ вводит ещё одну дефиницию — «медицинские технологии», определяя их как «методы диагностики, лекарственного и нелекарственного лечения, профилактики и реабилитации, системы охраны и укрепления здоровья, использующиеся в здравоохранении» (ч. 3). ГОСТ содержит широкий инструментарий, раскрывающий содержание медицинских технологий, среди которых: «применение лекарств, включая биологические препараты; применение крови и её компонентов; применение специализированного лечебного питания; использование приборов, расходных материалов, технических устройств и мобильных приложений; терапевтические и хирургические процедуры; иные мероприятия и процедуры (в т.ч. школа пациента с определенной патологией, обучение родственников и немедицинских работников процедурам ухода, дистанционные консультации с использованием телекоммуникативных систем и приспособлений); вспомогательные управленческие системы и процедуры (формуляр больницы, аутсорсинг лабораторных исследований, лицензирование деятельности, система электронной записи на прием и др.)» (ч. 3).

Юрико-техническая конструкция ГОСТа обнаруживает категориальную несостоятельность, — в единый семантический ряд поставлены технологии, не имеющие единого экономико-правового базиса (клеточные продукты, организационные протоколы, системы удаленного доступа, управленческие решения и др.). Отсутствие четких дефиниций и критериев дифференциации детерминирует расширительное толкование понимания дефиниции «медицинские технологии» в их корреляции с технологиями в сфере здравоохранения в целом.

В связи с этим положительной оценки заслуживает инициатива Минздрава России по закреплению нормативного определения дефиниции «медицинские технологии» на уровне базового Закона № 323-ФЗ. Согласно паспорту законопроекта, размещенного на федеральном портале, под медицинской технологией предлагается определить «способ осуществления медицинского вмешательства или комплекса медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 06.11.2025 № 3143-р «Об утверждении Стратегии развития производства промышленной продукции реабилитационной направленности на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 17.11.2025. № 46. Ст. 6934.

¹⁴ Письмо ФМБА России от 24.10.2025 № 32-01/02-3/920 «О направлении Рекомендаций для работодателей по формированию инфраструктуры и алгоритмов действий медицинских работников по внедрению технологий здоровьесбережения на рабочем месте» и др. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Указ Президента РФ от 08.12.2025 № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2025. № 50. Ст. 7826.

¹⁶ Официальный сайт «Национальные проекты». URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/tekhnologii-zdorovya/> (дата обращения: 12.07.2026).

¹⁷ Национальный стандарт Российской Федерации «Оценка медицинских технологий. Общие положения», утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 568-ст. М. : Стандартинформ, 2015.

Обзор НПА в части закрепления положений о технологиях здоровьесбережения

НАИМЕНОВАНИЕ НПА	ИЗВЛЕЧЕНИЕ <...>
Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ¹ (далее — Закон № 323-ФЗ)	телемедицинские технологии — «информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента» (ч. 22 ст. 2)
	высокотехнологичная медицинская помощь — «часть специализированной медицинской помощи, включает в себя применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий и методов геномной инженерии, разработанных на основе достижений медицинской науки и смежных отраслей науки и техники» (п. 3 ч. 1 ст. 34)
	вспомогательные репродуктивные технологии — «методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство» (ч. 1 ст. 55)
Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» ²	лекарственные средства — «вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного <...>, применяемые для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации <...> методами синтеза или с применением <i>биологических технологий</i> » (п. 1 ст. 4).
Федеральный закон 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ³	<i>Содержит широкое определение технологий</i> , под которыми понимается «совокупность научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг» (п. 15 ст. 3).
Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» ⁴	среди важнейших наукоёмких критических технологий называет: биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия (п. 3); технологии разработки лекарственных средств и платформ нового поколения (биотехнологических, высокотехнологичных и радиофармацевтических лекарственных препаратов) (п. 4); технологии персонализированного, лечебного и функционального питания для здоровьесбережения (п. 5); технологии разработки медицинских изделий нового поколения, включая биогибридные, бионические технологии и нейротехнологии (п. 6); среди важнейших наукоёмких сквозных технологий — технологии искусственного интеллекта социальной сферы (п. 25).
Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года ⁵	<i>технологии искусственного интеллекта</i> — совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта
Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019— 2030 годы», утв. Постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 ⁶	основная цель Программы — «комплексное решение задач ускоренного развития <i>генетических технологий</i> , в том числе <i>технологий генетического редактирования</i> , и создание научно-технологических заделов и продуктов для медицины, сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствование мер предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера и контроля в этой области, разработка механизмов оперативного внедрения в промышленное производство полученных прикладных результатов деятельности в области <i>генетических технологий</i> ».

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

² Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ, 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.

³ Федеральный закон 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2024. № 53 (Ч. I). Ст. 8533.

⁴ Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // Собрание законодательства РФ. 24.06.2024. № 26. Ст. 3640.

⁵ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 (ред. от 05.09.2025) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019—2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 29.04.2019. № 17. Ст. 2108.

значение, являющийся совокупностью научно и практически обоснованных методов, операций, процессов и (или) средств, включая разрешенные к применению лекарственные препараты, медицинские изделия, биомедицинские клеточные продукты, необходимые для преобразования вещества, энергии, информации»¹⁸. Приведенное определение по своему содержанию приближено к дефиниции «технологии здоровьесбережения» и значительно сужает понимание медицинских технологий, предлагаемое ГОСТом, в отличие от которого, исключает деятельность в сфере управления, организации системы здравоохранения и коммуникации, что, полагаем, является обоснованным.

Доктринальные подходы к разграничению исследуемых дефиниций

Исследуемые дефиниции, их содержательное наполнение и отраслевая идентификация устойчиво находятся в фокусе доктринальных изысканий представителей юридической науки, специализирующихся в сфере конституционного, административного, медицинского и биоправа. В правовой доктрине данные категории традиционно интерпретируются как совокупность методов, средств и процессов, применяемых в системе здравоохранения, и, по сути, охватывают как технологии в узком смысле (инструментальные, аппаратные), так и технологии в широком — организационно-управленческом и профилактическом аспектах.

Определенный интерес представляет подход Д.О. Мешкова, согласно которому *медицинских технологий*, применяемые в конкретных медицинских целях (диагностика, профилактика, лечение и др.), и *технологии в сфере здравоохранения* в целом, не идентичные категории. Ученым предлагается рассматривать «медицинские технологии» и «технологии здравоохранения» как часть и целое, ввиду того что «технологии здравоохранения» значительно шире и включают весь комплекс инструментов, применяемых в системах здравоохранения: управление, логистику, информационные системы и медицинские технологии. В то время как «медицинские технологии (вмешательства, интервенции) непосредственно взаимодействуют с пациентом или здоровым человеком при диагностике, профилактике или лечении. Медицинские технологии включают, но не ограничиваются диагностическими инструментами (опросниками, приборами, реактивами, средствами получения биологических образцов и т. п.), лекарственными препаратами (профилактическими вакцинами, химическими и генно-инженерными биологическими препаратами) и средствами их доставки, хирургическими операциями и радиационной терапией, а также инновационными технологиями, например, транс-

ляционной терапией» [14, с. 66—67]. Выделение медицинских технологий из общей системы технологий в системе здравоохранения вполне оправдано целями их применения.

Данный подход просматривается в исследованиях А.А. Мохова, где медицинские технологии предлагается определить, как «методы, способы, приемы воздействия на объект (организм человека, его системы, органы, ткани, клетки) для достижения задач конкретного медицинского вмешательства или их совокупности (диагностика, лечение, профилактика, реабилитация и др.)»¹⁹ [15, с. 243]. Ученый обосновывает формирования «жесткого каркаса, на основе которого формируется общий, а также специальные правовые режимы отраслевых технологий (там, где это необходимо), а именно, наличие общего типа отраслевых технологий (технологии здравоохранения) позволяет разделить их на роды (например, медицинские, управленческие и некоторые иные) и виды (например, оперативные и иные инвазивные и неинвазивные вмешательства, продуктовые (лекарственные препараты, медизделия и др.))» [15, с. 243—244].

Отдельные виды технологий, например, телемедицинские, по мнению ученых могут относиться, и к технологиям здравоохранения, и к медицинским технологиям, а именно: «1) телемедицинская услуга как форма оказания медицинской помощи, порядок предоставления которой регламентирован положениями приказа Минздрава России № 965н²⁰; 2) оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий как отдельный самостоятельный вид медицинской деятельности; 3) телемедицинская технология как инновационная цифровая технология, регулируемая нормами экспериментального правового режима в соответствии со статьей 3 (ч. 11) Закона № 323-ФЗ», что детерминирует дифференцированный подход к их правовому регулированию [16, с. 761—762].

Наряду с перечисленными выше, в научной литературе предлагаются смежные термины (табл. 2):

Категоризация медицинских технологий также базироваться также по критерию доступности для пациента, способу правовой интеграции в систему обязательного медицинского страхования (ОМС) или добровольного медицинского страхования (ДМС). Исходя из приведенного выделяются: «1) медицинские технологии, входящие в программы государственных гарантий (ОМС), отказ медицинской организации от предоставления которых может быть основанием

¹⁹ Мохов А.А. Стратегически значимые медицинские технологии: правовой аспект // Государство и право. 2020. № 11. С. 106—114. DOI: 10.31857/S102694520012528-1.

²⁰ Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий», документ утратил силу в связи с принятием приказа Минздрава Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (документ утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 15.05.2025.

¹⁸ Паспорт проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects/163230/> (дата обращения: 12.07.2026).

Таблица 2

НАИМЕНОВАНИЕ ТЕРМИНА	СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ
Здоровьесберегающие технологии (Р.В. Амелин, Л.В. Бессонов) ⁷	1) технологии управления в сфере медицины (включая планирование, учет, контроль, оказание государственных и муниципальных услуг в сфере здравоохранения); 2) технологии электронного документооборота; 3) телемедицинские технологии; 4) технологии анализа медицинских данных и принятия медицинских решений (включая технологии «больших данных» и искусственного интеллекта, которые могут быть выделены и в отдельные подгруппы);
Электронная медицина (Н.Н. Штыкова) ⁸	«совокупность информационных (телекоммуникационных) технологий, применяемых в рамках информационного процесса, участниками которого выступают федеральные и региональные органы в сфере здравоохранения, медицинские учреждения, фармацевтические учреждения, медицинские работники и пациенты с целью распознавания, лечения и предупреждения болезней, сохранения и укрепления здоровья и трудоспособности людей, продления жизни»;
Цифровая медицина (А.А. Карцхия) ⁹	«а) искусственный интеллект (artificial intelligence), который обеспечивает новые решения для диагностики и лечения; б) большие данные (bigdata), которые создают облачные хранилища и служат основой предиктивной аналитики; в) телемедицина и программные приложения, особенно востребованные в эпоху эпидемии; г) блокчейн-технология (blockchain tech), обеспечивающая безопасность и достоверность сведений и обработку данных; д) медицинский интернет вещей (IoT), формирующий экосистему устройств и датчиков для защиты здоровья человек»;

⁷ Амелин Р.В., Бессонов Л.В. О некоторых вопросах правового регулирования телемедицинских технологий // Информационное право. 2019. № 2. С. 21—25.

⁸ Штыкова Н.Н. Сущность и проблемы реализации электронной медицины (на примере Владимирской области) // Медицинское право. 2014. № 5. С. 23.

⁹ Карцхия А.А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 39. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.039-046.

для иска о некачественном оказании помощи; 2) медицинские технологии, не входящие в ОМС, предоставление которых может осуществляться по договору ДМС (или платных медицинских услуг); 3) экспериментальные (инновационные) медицинские технологии, также не входящие в ОМС, имеющие особый правовой режим, предполагающий подписание информированного добровольного согласия пациента, который предупреждается о возможных рисках» [4, с. 196].

Правовая доктрина, определяя содержательное наполнение исследуемых дефиниций, традиционно интерпретирует технологии как совокупность методов, средств и процессов, применяемых в системе здравоохранения. В фокусе ученых остается реализация вопросов, связанных с разработкой понятийного аппарата в условиях развития технологий [17; 18, с. 150], как необходимого условия защиты прав граждан и национальных интересов в информационной сфере. При этом принципиальное значение для их понятийной идентификации имеет критерий сферы интеграции: в узком смысле технологии понимаются как инструментально-аппаратные и программно-технические решения, интегрируемые непосредственно в клиническую практику (диагностический, лечебный и реабилитационный процессы); в широком же смысле они охватывают организационно-управленческие, превентивные и санитарно-эпидемиологические механизмы, интегрируемые в систему управления здравоохранением и популяционное здоровьесбережение.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих как доктринальное, так и прикладное значение для совершенствования правового регулирования.

Современное состояние нормативной базы характеризуется терминологической фрагментарностью и отсутствием легально закрепленных дефиниций ключевых технологических категорий — «технологии здравоохранения», «технологии здоровьесбережения» и «медицинские технологии», что порождает множественность доктринальных интерпретаций, одновременно, затрудняет оценку их безопасности, эффективности и соответствия критериям доказательной медицины.

Полагаем, что научно обоснованное нормативное закрепление рассматриваемых категорий должно строиться на принципе иерархической дифференциации: 1) «технологии здравоохранения» — как наиболее широкая дефиниция, охватывающая организационно-управленческие, санитарно-эпидемиологические, информационно-коммуникационные и иные методы, обеспечивающие функционирование и развитие системы охраны здоровья в целом; 2) «технологии здоровьесбережения» — как понятие, акцентирующее превентивную и поведенческую составляющую, направленную на сохранение и укрепление здоровья населения; 3) «медицинские технологии» — как наиболее содержательно узкая дефиниция, непосред-

ственно связанная с клинической практикой и включающая диагностические, лечебные, хирургические, реабилитационные и иные вмешательства, основанные на применении специализированного оборудования, материалов, биопрепаратов и цифровых алгоритмов и т. д.

С позиций правовой регуляtorики закрепление указанных дефиниций требует глубокого научного обоснования, базирующегося на: системном анализе существующих доктринальных подходов к определению

технологий как объектов правового регулирования; сравнительно-правовом исследовании зарубежных моделей легализации аналогичных категорий; учете межотраслевого характера данных понятий; прогнозировании регуляторных последствий введения тех или иных дефинитивных конструкций для субъектов медицинской деятельности, производителей медицинских изделий, разработчиков цифровых решений и, прежде всего, для пациентов как конечных благополучателей технологического прогресса.

Литература

1. Дородонова Н.В. Права и свободы человека в векторе конституционализации национального законодательства // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сб. докл. XIV Московской юридической недели. В 6 ч. Москва, 26—29 ноября 2024 года. М. : ИЦ Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 51—54.
2. Цифровизация и биотехнологии в обеспечении права на здоровье в условиях чрезвычайных ситуаций / В.В. Комарова, А.В. Басова, О.А. Белов [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2024. 304 с.
3. Шалберкина М.Н. Совершенствование законодательства в сфере здравоохранения: путь к решению проблем или их образованию // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 60—64. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-60-64.
4. Технологическое лидерство в России: готовность к изменениям и ответственность за будущее: монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М. : Проспект, 2026.
5. Проблемы и перспективы правового обеспечения информационной безопасности и цифрового суверенитета / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2025. 228 с.
6. Рыбаков О.Ю. Право и целостность правовой системы в эпоху политических и технологических трансформаций // Юридическое образование и наука. 2025. № 9. С. 17—22. DOI: 10.18572/1813-1190-2025-9-17-22.
7. Троян Н.А. Влияние современных платформенных решений как ключевого инструмента государственного управления в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2025. № 1 (54). С. 36—44. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-36-44.
8. Троян Н.А. Влияние цифровых технологий на процессы государственного управления // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 180—187. DOI: 10.24682/1994-1404-2024-3-180-187.
9. Ценность права в условиях цифровой реальности / О.Ю. Рыбаков, М.А. Беляев, Ю.Ю. Ветютнев [и др.]. М. : Проспект, 2026. 312 с.
10. Карцхия А.А. Медицинское право и цифровое здравоохранение: новые перспективы // Медицинское право. 2026. № 1. С. 2—6.
11. Берсенева И.И., Сашко А.А. Роль телемедицины и цифровых технологий в снижении затрат на здравоохранение // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 6. № 12 (164). С. 231—238. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2025.12.06.026.
12. Современное состояние развития телемедицины в России: правовое и законодательное регулирование / Р.Е. Петрова, Н.А. Шеяфетдинова, А.А. Соловьев [и др.] // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22. № 2. С. 5—9. DOI: 10.17116/profmed2019220215.
13. Нормативно-правовое регулирование рабочего времени медицинских работников: необходимость, возможности и защита прав / Р.Е. Петрова, О.Ю. Рыбаков, Н.А. Шеяфетдинова [и др.] // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 3. С. 20—26. DOI: 10.17116/profmed20202303120.
14. Мешков Д.О. Рациональное использование медицинских технологий : монография. М. : ИПУ РАН, 2022. 206 с.
15. Мохов А.А. Современным технологиям здравоохранения — адекватное правовое обеспечение // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 240—248. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-2-240-248.
16. Инновационная юриспруденция : учебник / В.В. Блажеев, М.В. Мажорина, В.Б. Агафонов [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2025. 912 с.
17. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. № 1. 2025. С. 160—173. DOI: 10.31857/S1026945225010148.
18. Троян Н.А. Правовое регулирование цифровых платформ и экосистемы государственных услуг: вектор развития экономики данных в цифровую эпоху // Правовая информатика. 2026. № 1. С. 145—152. DOI: 10.24412/1994-1404-2026-1-00-15.

“HEALTH TECHNOLOGIES”, “HEALTHCARE TECHNOLOGIES”, “MEDICAL TECHNOLOGIES”: THE RELATIONSHIP OF DEFINITIONS IN THE CONTOUR OF LEGAL REGULATION²¹

Rybakova O.S.²²

Keywords: legal engineering, technological development, healthcare modernization, public administration, artificial intelligence, digital technologies, telemedicine.

Abstract

Purpose of the work: to examine the substantive content of the definitions of “health technologies,” “healthcare technologies,” and “medical technologies” in legal doctrine and legislation; to determine their relationship; to identify the feasibility of their legitimate consolidation; and to substantiate the creation of effective legal instruments for legally supporting the use of technologies in the healthcare system.

Methods used in the study: general scientific methods of analysis and synthesis, as well as comparative analysis, are used in the research. A focus is placed on the systems approach.

Results: The terminological fragmentation of the legally defined categories under study was identified, which may generate legal uncertainty when assessing their safety, effectiveness, and accessibility for participants in legal relations to achieve constitutionally significant health protection goals. The approaches proposed in this article can serve as a conceptual basis for further discussions and the development of specific regulatory solutions aimed at creating an effective regulatory model for the application of technologies in the healthcare system.

Research novelty: The author substantiates a hierarchical differentiation of the definitions under study, where “health technologies” is the broadest definition, encompassing organizational, managerial, sanitary, epidemiological, information, communication, and other methods that ensure the functioning and development of the healthcare system as a whole; “healthcare technologies” is a concept that implies a preventive and behavioral component aimed at maintaining and improving public health; “medical technologies” is understood as the most substantively narrow definition, directly related to clinical practice and including diagnostic, therapeutic, surgical, rehabilitative, and other interventions based on the use of specialized equipment, materials, biopreparations, and digital algorithms.

References

1. Dorodonova N.V. Prava i svobody cheloveka v vektore konstitutsionalizatsii natsional'nogo zakonodatel'stva // Rossiiskaia pravovaia sistema: v poiskakh natsional'noi identichnosti: sb. dokl. XIV Moskovskoi iuridicheskoi nedeli. V 6 ch. Moskva, 26–29 noiabria 2024 goda. M. : ITs Universiteta im. O.E. Kutafina (MGluA), 2025. S. 51—54.
2. Tsifrovizatsiia i biotekhnologii v obespechenii prava na zdorov'e v usloviakh chrezvychainykh situatsii / V.V. Komarova, A.V. Basova, O.A. Belov [i dr.]. M. : OOO “Prospekt”, 2024. 304 s.
3. Shalberkina M.N. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere zdavookhraneniia: put' k resheniiu problem ili ikh obrazovaniu // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2025. No. 4. S. 60—64. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-60-64.
4. Tekhnologicheskoe liderstvo v Rossii: gotovnost' k izmeneniiam i otvetstvennost' za budushchee: monografiia / Pod red. O.Iu. Rybakova. M. : Prospekt, 2026.
5. Problemy i perspektivy pravovogo obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti i tsifrovogo suvereniteta / T.A. Poliakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov [i dr.]. M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2025. 228 s.
6. Rybakov O.Iu. Pravo i tselostnost' pravovoi sistemy v epokhu politicheskikh i tekhnologicheskikh transformatsii // Iuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2025. No. 9. S. 17—22. DOI: 10.18572/1813-1190-2025-9-17-22.

²¹ The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030.

²² **Olga S. Rybakova**, Ph.D. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.
E-mail: osrybakova@msal.ru

7. Troian N.A. Vliianie sovremennykh platformennykh reshenii kak kliuchevogo instrumenta gosudarstvennogo upravleniia v usloviakh tsifrovoi transformatsii // Monitoring pravoprimeneniia. 2025. No. 1 (54). S. 36—44. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-1-36-44.
8. Troian N.A. Vliianie tsifrovyykh tekhnologii na protsessy gosudarstvennogo upravleniia // Pravovaia informatika. 2024. No. 3. S. 180—187. DOI: 10.24682/1994-1404-2024-3-180-187.
9. Tsennost' prava v usloviakh tsifrovoi real'nosti / O.lu. Rybakov, M.A. Beliaev, Iu.Iu. Vetutnev [i dr.]. M. : Prospekt, 2026. 312 s.
10. Kartskhiia A.A. Meditsinskoe pravo i tsifrovoe zdravookhranenie: novye perspektivy // Meditsinskoe pravo. 2026. No. 1. S. 2—6.
11. Bersenev I.I., Sashko A.A. Rol'telemeditsiny i tsifrovyykh tekhnologii v snizhenii zatrat na zdravookhranenie // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia. 2025. T. 6. No. 12 (164). S. 231—238. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.06.026.
12. Sovremennoe sostoianie razvitiia telemeditsiny v Rossii: pravovoe i zakonodatel'noe regulirovanie / R.E. Petrova, N.A. Sheiafetdinova, A.A. Solov'ev [i dr.] // Profilakticheskai meditsina. 2019. T. 22. No. 2. S. 5—9. DOI: 10.17116/profmed2019220215.
13. Normativno-pravovoe regulirovanie rabocheho vremeni meditsinskikh rabotnikov: neobkhodimost', vozmozhnosti i zashchita prav / R.E. Petrova, O.lu. Rybakov, N.A. Sheiafetdinova [i dr.] // Profilakticheskai meditsina. 2020. T. 23. No. 3. S. 20—26. DOI: 10.17116/profmed20202303120.
14. Meshkov D.O. Ratsional'noe ispol'zovanie meditsinskikh tekhnologii : monografiia. M. : IPU RAN, 2022. 206 s.
15. Mokhov A.A. Sovremennym tekhnologiiam zdravookhraneniia — adekvatnoe pravovoe obespechenie // Pravovaia politika i pravovaia zhizn'. 2025. No. 2. S. 240—248. DOI: 10.24412/1608-8794-2025-2-240-248.
16. Innovatsionnaia iurisprudentsiia : uchebnik / V.V. Blazheev, M.V. Mazhorina, V.B. Agafonov [i dr.]. M. : OOO "Prospekt", 2025. 912 s.
17. Poliakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. Sovremennye priority razvitiia informatsionnogo prava: pravovoe obespechenie gosudarstvennogo suvereniteta i informatsionnoi bezopasnosti v informatsionnom prostranstve Rossii // Gosudarstvo i pravo. No. 1. 2025. S. 160—173. DOI: 10.31857/S1026945225010148.
18. Troian N.A. Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh platform i ekosistemy gosudarstvennykh uslug: vektor razvitiia ekonomiki dannykh v tsifrovuiu epokhu // Pravovaia informatika. 2026. No. 1. S. 145—152. DOI: 10.24412/1994-1404-2026-1-00-15.

